

Мартьянова Светлана Алексеевна (S. A. Martyanova), заведующая кафедрой русской и зарубежной филологии, кандидат филологических наук, доцент ВлГУ имени А.Г. и Н. Г. Столетовых (*г. Владимир, Российская Федерация*) (*Vladimir, Russian Federation*); martyanova62@list.ru.

УДК 821.161.1

Ф. И. ТЮТЧЕВ В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ С. И. ФУДЕЛЯ

Аннотация. В статье проанализированы контексты, отсылающие к имени и наследию Ф. И. Тютчева в текстах С. И. Фуделя. Сделаны наблюдения и выводы о роли творчества русского поэта в развитии богословских и религиозно-философских идей мыслителя XX века. Выявлена преемственность решений С. И. Фуделя с работами поэтов и критиков Серебряного века.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, С. И. Фудель, религиозная философия, богословие, Серебряный век.

F. I. TYUTCHEV IN THE LITERARY HERITAGE OF S. I. FUDELYA

Annotation. The article analyzes contexts that refer to the name and heritage of F.I. Tyutchev in the texts of S.I. Fudelya. Observations and conclusions are made about the role of the Russian poet's creativity in the development of the theological and religious-philosophical ideas of the 20th century thinker. The continuity of S. I. Fudel's decisions was revealed with the works of poets and critics of the Silver Age.

Keywords: F.I. Tyutchev, S.I. Fudel, religious philosophy, theology, Silver Age.

Общеизвестно, что Фёдор Тютчев создавал стихи, в которых выражал свои размышления о природе, человеческой душе и вечных ценностях. Его поэзия часто содержала богословские мотивы и религиозные образы. Хорошо известно также, что настоящую славу Ф. И. Тютчеву принес Серебряный век с его повышенным интересом к метафизическим мотивам и богоискательским настроениям. В задачу настоящей работы входит реконструкция представлений о творчестве Ф. И. Тютчева в работах духовного писателя Сергея Иосифовича Фуделя, наследника идей начала XX века (1900–1977),

Имя этого яркого «потаенного» мыслителя становится все более известным: издано трехтомное собрание сочинений, создан сайт, в г. Покрове Владимирской области появился небольшой музей, ежегодно проводятся «Фуделевские чтения». В сентябре 2023 года увидела свет книга ранее не публиковавшихся писем и стихотворений – «Весенний воздух вечности».

У Сергея Фуделя нет отдельных статей или книг, посвященных русскому поэту. Вместе с тем исследование богословских и художественных поисков мыслителя невозможно без обращения к творчеству Тютчева, имя которого часто встречается и на страницах «Воспоминаний», и в переписке с сыном, и в книге «Наследство Достоевского», и в работах «Славянофильство и Церковь», «Начало познания Церкви». В последней работе Фудель вспоминает, как пришел к отцу Павлу Флоренскому с «глубокомысленным проектом», посвященным «Ночи» Тютчева, и выслушал совет «сузить тему», заняться изучением тютчевских эпитетов «черное и золотое» [6, с. 329]. Для нашей работы важно, что именно тютчевские темы и образы находились у истоков формирования мировоззрения сына священника, верующего молодого человека, и, по всей вероятности, многое в нем определили.

Почему именно Тютчев? Ответить на этот вопрос частично помогает обращение к контексту рассказа о разговоре с отцом Павлом. Это седьмая глава книги «Начало познания Церкви», посвященной Флоренскому. Тютчевское стихотворение «День и ночь» (1839) вспоминается здесь как произведение, раскрывающее «антиномии мира» и предваряющее теорию мировых культур Флоренского. И уже здесь, в своего рода комментарии к работам отца Павла, сформулировано важное положение, определяющее понимание

С. И. Фуделем творчества Тютчева: «Культура есть воплощение в земной среде божественного начала. Если нечего воплощать или если негде воплощать, то есть если нет Бога или среды для Него, то культура умирает» [6, с. 324]. Культура не есть Бог, но Бог является ее животворящим источником. Следовательно, культура может быть проводником Божественной реальности. Это утверждение является, на наш взгляд, ключевым для определения той оптики, с которой С. Фудель подходит к истолкованию произведений Тютчева.

Эта оптика поддерживается утверждением, звучащим в письме Н. Н. Третьякову 1963 года: «Больше того, надо честно признать, что, благодаря великому оскудению религиозной жизни, слова и художественные образы некоторых писателей – ну, скажем, Тютчева, Лермонтова, Лескова, Пастернака или Экзюпери, как бы возмещают это оскудение» [5, с. 10]. «Великим оскудением религиозной жизни» С. Фудель называл и рассудочное «школьное» богословие, часто делавшее человека неверующим «под видом верующего, и «затемнение понятия Церкви», и «духовное безлюдие» [6, с. 281]. Особенно важно понять, какие же слова и образы Тютчева становятся проводниками мира невидимого и сверхчувственного? В текстах Сергея Иосифовича упоминаются или цитируются такие стихотворения, как «Последний катаклизм» (1829), «Бессонница» (1829), «О чем ты воешь, ветр ночной?» (нач. 1830-х гг.), «Из края в край, из града в град» (1834), «День и ночь» (1839), «Эти бедные селенья...» (1855), «О вещая душа моя!..» (1855), «Певучесть есть в морских волнах...» (1865) и др. Сергей Фудель оценивал определенные строки поэта как выражение глубокой правды, сопоставимой с религиозным откровением. Попробуем понять, в каких строчках Тютчева мыслитель чувствовал веяние глубокой правды, сопоставимой с религиозным откровением.

Д. Д. Черепанов возвел образ ночи в творчестве Фуделя к произведениям западноевропейского романтизма [7, с. 260]. При этом исследователь подчеркнул параллели с тютчевскими темами: тема «реального общения», сон как проводник знания о мире. Образ ночи получил в статье исследователя многозначную семантику: 1) основа мира, подлинное бытие; 2) ночь как время рождения Церкви; 2) оскудение праведности, которые ведут к помрачению души отдельного человека и «ночи истории»; 3) тягостное состояние души, вызванное мыслью о неизбежной смерти [7, с. 263].

Вместе с тем материал произведений Фуделя содержит богатые ресурсы для продолжения темы. Несмотря на то, что Фудель и Тютчев принадлежали к разным эпохам, имели свой уникальный стиль, они обращались к теме гармонии и лада. Фудель видел искусство «школы Пикассо» как форму бунта и нарушения изначальной гармонии. Рассуждая таким образом, он, вероятно, находил аналогии в стихотворениях Фёдора Тютчева, чтобы подкрепить свои рассуждения о божественной гармонии и её нарушениях.

Строчки из стихотворения Тютчева, такие как «невозмутимый строй во всем», могли служить для Фуделя примерами той гармонии и порядка, которые следует сохранять в сфере искусства. Тема угрозы нарушения этой гармонии и её последствий, о которой Фудель говорил, также может быть связана с романтическими и метафизическими аспектами, характерными для Тютчева и его эпохи. Нарушение гармонии таит в себе смертельную опасность, которую Фудель пояснял, снова и снова обращаясь к стихотворениям Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?», «Последний катаклизм». Эти размышления Фуделя добавляют интересный аспект к пониманию влияния искусства на человеческую гармонию и духовное состояние.

На страницах книги Фуделя «Наследство Достоевского» неоднократно встречаются отсылки к стихотворению «Эти бедные селенья...». В главе «Владычествующая идея» они используются для характеристики веры Достоевского как «русской веры во Христа – Царя Небесного, идущего в рабском виде по земле» [6, с. 11]. Кажется, что С. И. Фудель применял это стихотворение для иллюстрации веры и религиозных убеждений Фёдора Достоевского. Строки стихотворения, которые призывают к вере, молитве и собственной силе духа, могли использоваться Фуделем, чтобы подчеркнуть религиозные аспекты мышления Достоевского и его отношение к вере как важному элементу русской культуры и идентичности.

Обращение Ивана Карамазова к тютчевским строчкам о родной земле истолковывается как выражение пасхальной вести о полноте воплощения, «о прощении и благословении земли». Интерпретация Фуделем этого фрагмента романа может быть рассмотрена как выражение своего рода духовного поиска и философской рефлексии.

Отсылки к творчеству Тютчев содержит и книга «Начало познания Церкви», посвященная отцу Павлу Флоренскому. Задав-

шись вопросом о нужности Флоренского современному христианину, Фудель сначала отвечает строками из стихотворения «Из края в край, из града в град...» [6, с. 283]. Эти строки могут быть интерпретированы как выражение убеждения в негативных аспектах текущего времени или ситуации. В контексте мировоззрения Сергея Фуделя, эти строки могли бы указывать на его схожее отношение к времени и обстоятельствам, прежде всего в связи с неблагополучием церковного положения. С одной стороны, он мог видеть в этом выражении Тютчева предостережение о предельной осторожности. С другой, он подчеркнул, что торжество «душевного бесчувствия» не отменяет постоянной цели жизни христианина – стремления к Богообщению.

С помощью строчек Тютчева – «Нам не дано предугадать...» – Фудель комментирует различные реакции студентов на лекции отца Павла Флоренского в духовной академии. Эти строки могут отражать удивление, непонимание или даже некоторую неуверенность в том, какие новые идеи или знания преподносил Флоренский в своих лекциях. Фудель использует эти строки, чтобы подчеркнуть неслыханную новизну лекторской манеры священника [6, с. 283].

В книге «Начало познания Церкви» глава «Два мира» завершается первым четверостишием стихотворения «О вещая душа моя!...» Они служат символическим выражением идеи Церкви, подразумевающей и многих людей, и одного человека, предстоящего перед Богом и все еще охваченного тьмой [6, с. 298].

Уяснив отдельные контексты упоминания произведений Тютчева на страницах работ Фуделя, попытаемся определить истоки и ближайший контекст необычного понимания значения творчества поэта. Одним из таких источников нам представляется В. С. Соловьева «Поэзия Ф. И. Тютчева» (1895). В частности, В. Соловьев тоже полагал, что цель поэзии – «воплощать в *ощутительных* образах то самый высший *смысл* жизни, которому философ дает определение в разумных понятиях» [4, с. 472]. Фудель, возможно, разделял мнение Соловьева о специфической гармонии между поэзией и мыслью в стихотворениях Тютчева. Такие стихи могли служить примерами этой гармонии и доказательствами того, как поэзия может выражать сложные философские и религиозные идеи.

Другим важнейшим источником, на наш взгляд, можно считать статью В. Я. Брюсова «Ф. И. Тютчев. Смысл его творчества» (1910),

где Тютчев, названный «глубоким мыслителем», отнесен к «самым значительным, самым замечательным созданиям русского духа» [1, с. 217]. В статье Брюсова также выделяются «бессознательные» стихи Тютчева, которые обращаются к тайнам мира. Это указывает на то, что в его творчестве Тютчева часто звучат загадочные и метафизические моменты, где он исследует глубокие аспекты человеческой природы и мира вокруг нас. Эти стихи приглашают читателей задуматься над тайнами существования и природой реальности.

В статье Вяч. Иванова «Заветы символизма» Тютчев рассмотрен как поэт символического метода, сознававший потребность «нового поэтического языка» [3, с. 589]. Предтечей символистов считали Тютчева З. Гиппиус, К. Бальмонт, Г. Чулков [2].

Сходство идей Фуделя о Тютчеве с идеями русских символистов имеет свои границы. Далекое не все в статье Брюсова можно назвать соприродным идеям Фуделя. Так, мэтр русских символистов много пишет о тайнах природы у Тютчева, о бессилии человека, не затрагивая тем христианского богословствования о мире и человеке. В работах Фуделя нет того преувеличения жреческого начала в искусстве, какое мы наблюдаем у Вяч. Иванова.

Таким образом, работы религиозного писателя можно считать одной из интереснейших страниц русской тютчевианы. Уникальность представлений русского религиозного мыслителя определяется его поисками живого присутствия Христа в современности и новых, «живых» форм богословского и поэтического языка. Оставшись собеседником представителей русского Серебряного века, заново открывших значение поэзии Тютчева, Фудель сумел найти и выразить свое представление о поэте как вестнике божественных истин в пустыне современной жизни.

Список использованной литературы:

1. Брюсов, В. Я. Ф. И. Тютчев. Смысл его творчества // Брюсов В. Я. Сочинения в двух томах. Т. 2. Статьи. Рецензии 1893–1924. – М. : Художественная литература, 1987. – С. 217–232.
2. Гудзий, Н. К. Тютчев в поэтической культуре русских символистов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : Интернет-ресурс. Режим доступа <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/kritika-about/gudzij-tyutchev/gudzij-tyutchev.htm>. – Дата доступа: 10.09.2023.

3. Иванов, Вяч. И. Собрание сочинений. Т. 2. / В. И. Иванов. – Брюссель, 1974. – С. 588–603.
4. Соловьев, В. С. Поэзия Ф. И. Тютчева / Соловьев В. С. // *Философия искусства и литературная критика*. – М. : Искусство, 1991. – С. 465–482.
5. Фудель, С. И. Собрание сочинений : В 3 т. Т. 1 / С. И. Фудель; [Сост., подгот. текста и коммент. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной]. – М. : Рус. путь, 2001. – 648 с.
6. Фудель, С. И. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3 / Сост., подгот. текста и коммент. прот. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной. – М. : Русский путь, 2005. – 456 с.
7. Черепанов, Д. Д. Образ «ночи» и тема поэтического познания в творчестве С. И. Фуделя / Д. Д. Черепанов. – БВ, 2021. – С. 253–268.